

Посредничество, если говорить простым языком, — это лишь продажа товара от чужого имени. Нечто вроде маклерства или обычного торгового представительства. В отличие от полноценного дистрибьютора, агент получает лишь комиссионные, а не чистую прибыль от перепродажи.

Цзян Умянь вкратце разъяснил ключевое различие. Впрочем, эта тема не была главной на сегодняшней встрече — упомянув о ней лишь вскользь, он сразу перешел к сути сделки.

Древесный уголь хорош как временная мера, но его теплоотдача ограничена. Каменный уголь куда эффективнее, не говоря уже о том, что он необходим для будущей переработки парафина. Так или иначе, этот ресурс требовалось заполнить любой ценой.

Однако караваны, прибывавшие в Линьнань, привозили его лишь редкими телегами — жалкие крохи, капля в море, учитывая масштабы здешних пластов.

Чтобы поддерживать нынешний темп работы, развивать гончарное производство и прокладывать подземную канализацию, требовались колоссальные объемы топлива. А значит, выбирать поставщика следовало среди тех семей, что сами владели угольными копиями.

Семья Ху подвернулась как нельзя кстати.

Вчера судья не стал лично встречаться с ними. Просидев всю ночь за изучением бумаг, он пришел к выводу: на сей раз купцы из клана Ху явились в уезд Шаоюань ради плугов для заливных полей.

По тому, как караван двигался на юг, было видно: их предводитель — человек крайне осмотрительный. Едва сойдя на берег в префектуре Нанькан, проводник Ху Чжэн первым же делом разыскал старого слугу своего семейства, чтобы разузнать о положении дел в округе.

И впрямь, после недавнего мятежа уезд Шаоюань пережил смутные времена. Кое-какие здешние земли до сих пор полностью не оправились от потрясений, так что излишняя осторожность не помешала бы.

Но Цзян Умянь, размышляя над этим несколько часов и расспросив местных старожил, выяснил: прежде проводники из семьи Ху наведывались сюда не чаще раза в три-пять лет.

Ху Чжэн приезжал в Шаоюань только в прошлом году, и в этом спешить ему было незачем — если только у него не появилось веского повода.

И то, что лавочник Ху в Шаоюане заблаговременно внес задаток за редкий трехлемешный плуг для заливных полей, окончательно подтверждало догадку судьи.

Поэтому Цзян Умянь при первой же встрече выложил карты на стол.

— Интересно, на какие именно плуги проводник Ху желает обменять свои пол-корабля угля? — спросил он. — Есть простые однолемешные, есть двухлемешные — они чуть сложнее, и есть трехлемешные — самые мудреные в изготовлении. Последние нужно заказывать за месяц. Если готовы ждать, можем обсудить цену прямо сейчас.

Ху Чжэн еще не до конца переварил все эти разговоры о посредниках и дистрибьюторах. Потребовалось некоторое время, чтобы он вернул себе деловую хватку и серьезно ответил:

— Судья Цзян, признаться, эти пол-корабля угля уже обещаны другому покупателю.

Дело было не в нежелании уступить товар — груз действительно имел строгое назначение.

Область Линьнань лежала на самой окраине южных земель. Дальше на юго-запад высились лишь грозные, неприступные хребты. Однако и в тех глухих лесах обитали горные племена, и половина привезенного угля предназначалась именно для них.

Горцы охотно выменивали топливо на редкие лесные богатства — особенно на вековую древесину ценных пород. Собственно, ради этих бревен купцы и снаряжали свои суда.

Негоже было рушить столь выгодное дело даже ради плугов.

Цзян Умянь не знал о договоренностях купцов. Раз уж у товара нашелся хозяин, он лишь на мгновение задумался, а затем произнес:

— Что ж, мое предложение действительно поступило позже. Но если этот уголь можно заказать на будущее, то в какую цену обойдется доставка?

Ху Чжэн в душе искренне недоумевал. В Линьнани никто, кроме почитающих лесные дебри горных племен, каменным углем не пользовался — все преспокойно жгли дрова и древесный уголь.

Цзян Умянь приехал с севера и явно не разделял верования дикарей. К чему ему тогда сдался каменный уголь?

В одной только префектуре Нанькан Ху Чжэн мог навскидку назвать добрый десяток торговцев древесным углем, из которых трое-четверо слыли людьми вполне честными. Неужели целый уездный судья не мог призвать к себе пару-тройку купцов?

Впрочем, Ху Чжэн был купцом: есть спрос — будет и предложение. К тому же за покупателем стояла уездная управа, а за спиной самого Ху Чжэна — влиятельный клан Ху, так что опасаться казенного обмана не приходилось.

Он без утайки изложил Цзян Умяню расценки на перевозку. Каменный уголь везли целыми судами, так что привычные речные маршруты с постоянными перегрузками на морские баржи здесь не подходили.

— Корабли идут напрямик через Восточное море к берегам Линьнани, заходя по пути в порты префектуры Сунцзян и других прибрежных земель, — пояснил Ху Чжэн и назвал сумму, которая сама по себе была не так уж велика. — Везде приходится платить пошлины да подмазывать местных чиновников, так что расходы на доставку набегает немалые.

Цзян Умянь нахмурился. Разовая доставка обходилась сносно, но Шаоюаню требовались регулярные поставки. Чтобы запастись топливом хотя бы на полгода, пришлось бы снарядить добрый десяток судов, и тогда итоговый счет выходил астрономическим.

Назвать такое решение надежным и долгосрочным было нельзя.

Он аккуратно опустил пиалу на стол. Половину дела он все же сделал: хоть уголь купить и не удалось, зато теперь он знал его цену и маршрут доставки. По этим крупницам судья без труда вычислил, что копи находятся где-то на самом севере, у Великой стены. Неудивительно, что везти его оттуда выходило так накладно.

Придется искать другие варианты. Нужно выяснить, у каких торговых домов есть угольные шахты поближе — скажем, в областях Цзяннань или Хуайнань. Тогда расходы на перевозку удастся урезать в разы.

Заметив, что Цзян Умянь выслушал его и уже собирается уходить, Ху Чжэн поспешил его остановить:

— Судья Цзян, постойте. Скажите, а нельзя ли это ваше... посредничество выкупить за обычное серебро?

Торговому каравану хватало золота и серебра, но им отчаянно не доставало по-настоящему прибыльного дела!

Прибери семья Ху к рукам торговлю этими плугами, выиграл бы не только их караван. У их сородича, занимавшего пост помощника министра налогов, появился бы верный шанс занять кресло самого министра!

Шутка ли — внедрить усовершенствованные плуги по всей Великой Чжоу! За такое благодеяние не грех и благодарственные молебны небу вознести.

Императорский двор пока лишь слегка поощрил Цзян Умяня. Но когда соберут осенний урожай и официально объявят о результатах, награда будет куда щедрее. С такими заслугами судья сможет одним махом вернуться в столицу.

Семья Ху сразу почуяла, откуда дует ветер перемен, и вознамерилась отхватить свой кусок пирога, пока не поздно.

— Проводник Ху, количество плугов ограничено, — отрезал Цзян Умянь. — Уезд Шаоюань готов обменивать их только на то, в чем остро нуждается сам.

Намек был предельно ясен: нет угля — нет и сделки.

Ху Чжэн покачал головой. Переговоры только начались. Если бы он сейчас пошел на попятную и вдруг отыскал лишний уголь, это лишь выдало бы наличие скрытых запасов и лишило бы его выгодной позиции при обсуждении цены.

К счастью, время у них еще оставалось. Сначала он завершит дела с законными покупателями, а излишками угля распорядится как жестом доброй воли. Тогда и можно будет вернуться к разговору.

Цзян Умянь не стал терять драгоценные минуты. Распрощавшись с купцом, он поспешил обратно в уездную управу — пришло время допросить того мерзавца, что вредил на руднике.

— Господин судья, — Ван Си распахнул тяжелые ворота темницы, приглашая начальство войти.

Сам он изрядно похудел, но выглядел куда бодрее уездного помощника судьи. В его взгляде теперь читались жесткость и деловитая хватка — судя по всему, служба в застенках пошла ему на пользу.

Цзян Умянь и советник Чжан Жун вошли внутрь и огляделись. Тюрьма преобразилась до неузнаваемости. Мрачный полумрак рассеялся: стены до половины были покрыты свежей побелкой, а в некоторых камерах и вовсе выбелены целиком. Стало гораздо светлее, но от этой белизны веяло еще более гнетущей, стерильной тоской.

— Заведующий Ван, вы отлично потрудились за эти месяцы, — кивнул Цзян Умянь. — Где сидит тот смутьян, которого привели на днях? Доставьте его в допросную.

— Полноте, господин судья, исполнять ваши поручения — мой долг, — твердо отозвался Ван Си.

Месяцы в казематах не прошли для него даром. Он не пожалел серебра, чтобы нанять опытного старого палача для обучения, и теперь его речь звучала четко, уверенно и строго по делу.

К тому же он неукоснительно следовал правилам переустройства тюрьмы, которые Цзян Умянь расписал ему в тот памятный день. Как и управляющий Лу Юй, Ван Си бережно переносил

чертежи судьи в реальность, стараясь не допустить ни единой ошибки даже в мелочах.

За пару месяцев темница изменилась настолько, что в ней уже невозможно было узнать прежний гнилой вертеп.

Ван Си шагал по коридору, зажатому между чистыми белыми стенами, местами еще не побеленными до конца. Под ногами серой лентой тянулся гладкий цемент. Изначально судья планировал залить раствором весь пол в тюрьме, но по старой причине — нехватке материалов — цемента хватило только на дорожку в проходе.

Остановившись перед одной из камер, Ван Си сверился с номером на дощечке и негромко позвал:

— Чжао Ю?

Лежавший на соломенной циновке арестант испуганно встрепенулся и жалобно отозвался:

— Ох... начальник? Меня... меня отпускают уже?

«Неужто ради освобождения обычного бедолаги нужно столько стражи? Что-то здесь не так... Не о том мы сговаривались!»

Он ведь всего-навсего подмешал немного глины в угольную крошку, больше ничего дурного не делал!

«И что говорил тот ублюдок, который дал мне серебро?»

«Божился ведь, что никто подмены не заметит, глина с углями один в один! А ежели и поймают, то подержат пару дней в холодной да выпустят...»

«Святая Матушка, спаси и помилуй, лишь бы живым отсюда выбраться!»

Ван Си старательно припомнил наставления старого тюремщика: лицо должно оставаться каменным, взгляд — презрительным, будто смотришь на прижатую к полу крысу, а голос — ровным, без единой лишней интонации.

— Выводи, — скомандовал он.

Чжао Ю крупно задрожал. Хотя в подземелье царила удушливая духота, жары арестант не чувствовал. Да и какой узник в этих застенках вспомнит о тепле? Изнутри его пожирал леденящий, липкий страх, идущий из самых глубин души.

Ван Си едва заметно махнул рукой. Стражники с грохотом отодвинули засов, ворвались в камеру и рывком подняли Чжао Ю на ноги.

Стоило бедняге открыть рот, как расторопный конвоир мгновенно затолкнул ему в глотку кляп, на голову натянул плотный мешок, а на запястьях защелкнул тяжелые кандалы. Движения стражников были столь слаженными и быстрыми, что не оставалось сомнений — они проделывали это сотни раз.

«Соврал! Обобрал и соврал, сукин сын! Не подержать меня тут хотят, а жизни лишить!»

Чжао Ю дико забился в путах, силясь вырваться изо всех сил, но сопротивление было бесполезным — его слепо поволокли к выходу.

Мысленно он исходил бешеной руганью, но на деле его колени так подгибались от ужаса, что он не мог сделать и шагу — конвойные тащили его волоком по цементному полу.

Сидевшие в соседних камерах узники притихли, боясь издать хоть звук. Никто не хотел привлекать внимание этих безжалостных демонов во плоти, чтобы не оказаться следующим.

Лишь когда шаги стражи затихли вдали, казематы снова начали подавать признаки жизни. Но еще долго из темноты доносился лишь прерывистый, частый шепот перепуганных людей.

В допросной сердце связанного Чжао Ю готово было выскочить из груди. Окончательно обессилев, он висел на руках конвоиров с абсолютно пустой головой, incapable связать и двух слов.

Цзян Умянь сидел за судейским столом. На этот раз советника Линя рядом не было; его обязанности взял на себя Чжан Жун. Поставив поодаль лавку и подготовив письменные принадлежности, он зажег масляную лампу, готовясь скрупулезно заносить показания на бумагу.

Но стоило тюремщикам снять с арестанта мешок и вытащить изо рта кляп, как тот, даже не дожидаясь первых вопросов, истошно завопил:

— Я взял деньги! Мне заплатили! Господин судья, я сделал это только ради серебра!

Упав на колени, он уперся ладонями в ледяной пол — тот самый ровный и холодный цемент, который залили совсем недавно.

Ощущение холода под пальцами подсказало ему, что он все еще в подземелье управы. Какой-то высокий чин пожелал допросить его лично. Чжао Ю не знал лица своего судьи, но понимал главное: его пока не собираются убивать.

«Жить! Я должен выжить!»

Обретя способность говорить, он, подгоняемый животным страхом пред смертью, позабыл о приличиях и торопливо затараторил, путаясь в словах и захлебываясь слезами.

В эти мгновения он проклинал собственную жадность. Зачем только согласился взять те проклятые монеты? Прояви он тогда твердость, сейчас на его месте дрожал бы кто-то другой!

Чжао Ю безутешно рыдал, размазывая грязь по лицу, но на лице Цзян Умянь не дрогнул ни один мускул. Если бы каждый преступник мог выплакать себе прощение, то грош цена была бы закону и порядку в Шаоюане.

— Тихо, — негромко, но властно произнес Цзян Умянь.

Его ровный, лишенный эмоций голос подействовал мгновенно. Чжао Ю тотчас заткнулся и испуганно сжался в комок, боясь поднять голову.

— Значит, взял деньги, чтобы напакостить. Хорошо. Если говоришь правду, выкладывай все: когда вы встретились, где именно, как звали того подстрекателя и что конкретно он велел тебе сделать? Говори без утайки.

От долгого плача у Чжао Ю пересохло во рту; его голос сорвался на противный сиплый писк, резавший слух. Однако Цзян Умянь даже бровью не повел, терпеливо ожидая признаний.

— Это... это был Тянь Хао! — заикаясь, выговорил арестант. — Он служит подручным у лавочника, что торгует углем «Золотая Нить»!

<http://bllate.org/book/19045/1984712>